Этот мотив прощания перед боем, отражающий несомненно характерное явление военного быта казачества, по манере своего изображения здесь близок аналогичной картине в Поэтической повести: „...и мы, бедныя, прося у бога милости и пречистыя богородицы помощи и предтечева образа, и призывая на помощ чюдотворцы московские, учиня мы меж собою последнее прощание друг з другом и со всеми православными крестьяне... пошли к ним из города на прямой бой..." И далее: „и мы, бедныя,... за твоею помощию божиею за веру крестьянскую умираючи, бьемся против сил болших 300 000, за церкви божии, за все государьство Московъское и за имя царьское" (Б, 148—149).

Изображение молитвы и прощания казаков в повести об Азове, которое мы цитировали здесь сокращенно, отличается от амурской отписки большей литературностью выражения, однако план построения этой картины и стиль ее обнаруживают с последней значительное сходство, отнюдь не свидетельствующее, конечно, о влиянии одного эпизода на другой. В обеих картинах выражается надежда на помощь „небесных сил", причем, оформляется этот мотив в обычные шаблоны („прося у бога милости", „помолясь спасу..." и т. д.), затем следует мотив прощания „друг с другом" или „промеж собою", далее прямой речью выражается молитва, лейтмотивом которой является намерение казаков умереть „за веру крещеную", „постоять" за „дом спаса" или „церкви божии", за „государство Московское и за имя царское".

Изображение предсмертного прощания и молитвы казаков в подлинной отписке и в Поэтической повести, выдержанное по преимуществу в стиле канцелярской полу-литературной речи, представляло собою явление новое и своеобразное. Приведем для сравнения изображение аналогичной сцены в Исторической повести об азовском взятии, которое в значительной степени отвечает еще старой традиционно-литературной стилистике: „И учали атаманы и казаки... к приступу готовитца и восприяху у священников истинное покаяние и друг со другом прощахуся, слезами обливающеся, друг ко другу глаголюще: «Помрем, братие, за святыя божия церкви и за святую истинную нашу православную християнскую веру. Никим же нудими, никим же посылаеми, но сами восхотехом и по своей нашей воле за имя Христа истиннаго бога нашего и за обиду Российскаго государства единодушно померет»" и т. д. (59).

Вернемся к отписке Хабарова. После молитвы казаки, „не щадя лица своего", „дралися" с „манджурами". Результат боя передается в совершенно литературной манере: „и нападе на них, богдоев, страх великий, и божиею милостию... покажися им наша сила несчетная и все достальные богдоевы люди прочь... побежали..." (366). Ср. в другом месте этой же отписки: „и нападе на них, собак иноверцов, страх божий, и против царской грозы и нашего бою стоять не могли и побежали врознь" (365).